

ИНТЕРВЬЮ

ЭО, 2008 г., № 2

© **В.А. Тишков**

РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ИТОГАХ ЖИЗНИ: БЕСЕДА С СЕВЬЯНОМ ИЗРАИЛЕВИЧЕМ ВАЙНШТЕЙНОМ

В.А. Тишков (далее – В.Т.): Почти 15 лет тому назад я взял интервью у Леонида Павловича Потапова. Это мое седьмое интервью с патриархами нашей науки этнографии-этнологии. Я его планировал очень давно, и мы даже дважды начинали беседовать, но что-то мешало завершить этот разговор. Если откровенно, то меня интересует все в прожитой человеком жизни в рядах нашего профессионального сообщества. Ибо здесь переплетаются вместе карьера ученого, история науки и страны, разные человеческие судьбы. В связи с Вашим 80-летием состоялись научные заседания, публиковались статьи, и наша с Вами беседа – это также своего рода размышления об итогах.

Сначала хотелось бы подробнее узнать о Ваших родителях и о начале Вашего жизненного пути.

С.И. Вайнштейн (далее – С.В.): Когда я вспоминаю родителей, на душе становится тяжело. Вначале расскажу об отце, Израиле Яковлевиче Вайнштейне. Он родился в маленьком местечке Коростышев на Украине в 1885 г. В школе получил лишь начальное образование, но еще подростком серьезно занялся самообразованием, пользуясь библиотекой в г. Житомире. Изучал историю, философию, древние и западные языки. Под влиянием марксистской литературы поверил в идеалы революции. Прощел Первую мировую войну. В Гражданской войне – боец Первой конной армии. Был ранен. Находился в польском плену. После демобилизации приехал в Москву, чтобы поступить в Институт красной профессуры. Сдавал экзамены комиссии, которую возглавлял известный философ, академик А.М. Деборин. Комиссия утвердила предложенную им оценку: "у экзаменуемого знания такие, что он не учиться должен, а учить". Отца сразу же зачислили преподавателем этого института.

Еще в 1923 г. отец опубликовал первую научную работу. В 1927 г. издал книгу "Организационная теория и диалектический материализм". А в 1928 г. опубликовал фундаментальную монографию "Гегель, Маркс и Ленин" (1930 г. – второе издание). В начале 1930-х годов отец возглавил кафедру философии Московского авиационного института. В это время дружил с выдающимся авиаконструктором Андреем Николаевичем Туполевым. Многие годы отец работал над большой монографией "Закономерности переходной экономики", в которой, в частности, предупреждал о возможных ошибках в экономической политике, которые могут привести к краху социалистического развития страны.

Мать – Фрида Израилевна Литвин родилась в 1899 г. в Латвии. Преподавала немецкий язык. В 1925 г. приехала из Риги в Москву погостить у брата, Иосифа Литвин. Он также был революционером, участником Гражданской войны. На фронте был тяжело ранен. В санитарном поезде, когда его везли в госпиталь, познакомился с медсестрой, которая стала его женой. Занимал высокие государственные посты. Тогда многие руководящие деятели страны жили в общежитии у Крымского моста, в здании, где ныне на-

ходится Дипломатическая академия. Здесь брат матери познакомил ее с моим отцом, ставшим ее мужем.

В конце 1920-х годов брат матери, находясь в служебной командировке в Англии вместе с женой, послал Сталину письмо о недостаточной продуманности проводившейся тогда коллективизации крестьянства. В ответ получил требование немедленно прибыть в Москву. Избегая репрессий, которые ждали бы его после возвращения, он решил остаться в Лондоне. Во время Второй мировой войны служил в английской армии. В дом, где жили его жена, сын и две дочери, попала немецкая ракета. Контуженный сын стал инвалидом. Выжившие дочери окончили Оксфордский университет. Одна из них – Франческа Вейсман – стала ныне известной на Западе писательницей.

В.Т.: То есть по материнской линии у Вас на протяжении всей жизни были две двоюродные сестры, связь и общение с которыми оказались невозможными из-за противодействия господствовавшего в стране режима. Объем этих разорванных и нереализованных гуманитарно-родственных связей в XX в., видимо, еще предстоит оценить ученым. Все-таки это огромный упущенный страной ресурс, который я называю "международные человеческие связи", – он помогает создавать образ страны и межгосударственных отношений. Представьте себе: оксфордские выпускницы приезжают время от времени в Москву навестить своего брата, а он им рассказывает с воодушевлением о своей профессии и замечательном институте, в котором работает. В этом случае там, в западном мире, о советской этнографии должно было сложиться совсем другое мнение. Да и Вы, как молодой и талантливый ученый из СССР, могли бы почитать в Оксфорде курс лекций о сибирских абorigенах по своим ранним этнографическим материалам. Однако в стране и в мире все сложилось иначе.

С.В.: Летом 1936 г. моего отца арестовали якобы как участника антисоветской террористической организации. Его приговорили к восьми годам тюремного заключения. В 1937 г. мать получила чудом дошедшее письмо отца из тюрьмы в городе Мариинске, в котором он писал, что невиновен, что его подвергали жестоким пыткам, добиваясь признания в том, чего никогда не было. Он просил во что бы то ни стало сохранить рукопись своей книги о закономерностях переходной экономики. Письмо заканчивалось словами: "Если бы все это знал товарищ Сталин, страшному произволу пришел бы конец".

Мать совершила трагическую ошибку, послав в канун 1938 г. это письмо Сталину. Вложила в конверт свое письмо и несколько книг отца. Больше никаких весточек от отца не было, а на запросы мать получала ответ, что он заново осужден на 10 лет без права переписки. Нам не сообщали, что 19 января 1938 г. отец был расстрелян. После XX съезда КПСС его полностью реабилитировали.

Когда отца арестовали, я учился в школе. Нам было очень трудно. Денег у нас не было, мать – "жену врага народа" – на работу не брали. Когда я учился в седьмом классе, попал в детский дом.

В.Т.: Детский дом при живой матери – это наиболее драматичный метастаз сталинских репрессий. Какие у Вас воспоминания?

С.В.: Во время войны нас вывезли в Рязанскую область. Мы жили в заброшенной усадьбе и в школе. Питание было скудное, мы не учились. Исходя из директивы Сталина, чтобы на занятых немцами территориях была лишь выжженная земля, дом, где мы жили, сожгли. Нас посадили на баржу, и она тащила нас по Оке до Камы. Детей было человек двести, может быть, больше. Плыли на этой барже вместе с воспитателями. Несколько дней нас не кормили, мы пили воду прямо из реки. Только потом подъехал катер, и раздали кашу. Нас привезли в город Оса Пермской области (тогда она называлась Молотовская). Там я пробыл где-то год, чуть больше. В 1942 г. мать приехала туда, разыскала меня и забрала. Мне дали мешок продуктов и выписали из детского дома. Была уже поздняя осень. Когда я ехал с обозом до города Оса, спрятал этот мешок в сено, вышел обогреться, а когда вернулся, мешка уже не было. Когда я разыскал мать,

она спросила: "У тебя же какие-то продукты есть?" Я говорю: "У меня их украли". Мать ахнула: "Я четыре дня ничего не ела". Она кое-как перебивалась, устроившись сторожем в совхоз. Ночевала на полях. В общем, мучилась.

Вскоре я поступил в педучилище. У меня была от голода дистрофия. Мне выделили небольшой паек: я получал бесплатно скромные обеды. Проучился там полтора года, а потом мать решила, что надо возвращаться в Москву. Она узнала, что у нас забрали квартиру за неуплату. Долг был всего двести с чем-то рублей. Мать надеялась, что квартиру можно как-то вернуть.

В 1943 г. мы вернулись в Москву. Квартира была занята. Ничего не получилось, не помогли даже письма президента Академии наук С.И. Вавилова, поэта Демьяна Бедного, академика Д.Н. Прянишникова в нашу защиту. Я жил у дальних родственников, у знакомых: мать – у одних, я – у других. Потом я увидел объявление, что идет прием в техникум цветных металлов, что обеспечивают общежитием. Я поступил туда, жил в общежитии. Потом устроился в пожарно-сторожевую охрану при Московском университете. Мы лазили по крышам, тушили пожары.

В 1945 г. я сдал экстерном за 10 классов и решил поступить в Московский университет. Сначала я, правда, хотел учиться на философском факультете, чтобы продолжить дело отца, но потом все-таки решил поступать на исторический. Все экзамены я сдал на "отлично". И когда пришел убедиться, что меня приняли, то в списках принятых себя не нашел. Я взял свой зачетный лист и пошел узнавать почему. А мне говорят: "Мандатная комиссия не пропускает, так как у Вас отец репрессирован".

В.Т.: А Вы что писали, что отец репрессирован и расстрелян?

С.В.: Я писал, что отец репрессирован в 1936 г. Я тогда не знал, что с отцом. Не знал, что он расстрелян. Приехал расстроенный к матери, все рассказал. Она говорит: "Ничего, поехали". Я говорю: "Куда?" – "К Хвостову". Владимир Михайлович Хвостов тогда занимал высокий пост в наркомате иностранных дел, возглавлял историко-дипломатическое управление. Он тоже был знаком с моим отцом. Я ему все рассказал, и он обещал помочь.

В.Т.: Значит, это был 1945-й год. Хвостов не побоялся Вам помогать, несмотря на то, что Ваш отец был репрессирован.

С.В.: Не побоялся. Я к нему пришел, привез все документы, он познакомил меня со своей семьей, сказал про моего отца: "Мы были хорошо знакомы. Он был прекрасный профессор, очень хороший ученый". Хвостов при мне позвонил ректору университета Илье Саввичу Галкину и говорит: "У меня срочное дело, можешь меня принять? Когда?" – "Через час". Вызвал машину, надел генеральскую форму со всеми регалиями.

Мы приехали в университет. Он зашел к Галкину, вышел минут через десять и говорит: "Все в порядке. Пиши заявление и иди к Галкину". Когда я зашел к Галкину, он сказал: "Я тоже знал Вашего отца, слышал, видел. Что с ним теперь?". Я отвечаю: "Не знаю". Галкин пишет красным карандашом на заявлении: "Зачислить" и говорит: "Поставьте печать в ректорате и идите к декану". Деканом был Георгий Андреевич Новицкий. Он вызвал секретаря и сказал при мне: "Подготовьте приказ о зачислении и предоставлении общежития".

В.Т.: Интересно, что все три названных Вами человека были мне также хорошо известны. Хвостов был директором Института истории АН СССР, когда я поступал в аспирантуру в 1966 г. (из-за задержки с зачислением аспирантов, я ушел в Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина, где также все экзамены сдал на отлично). Еще ранее, когда я учился в МГУ на историческом факультете, И.С. Галкин (после ректорства) заведовал кафедрой новой и новейшей истории, где я проходил специализацию. Г.А. Новицкий читал нам спецкурс по отечественной истории и был научным руководителем моего старшего друга В.Н. Базыгина.

С.В.: Наше общежитие находилось на улице Стромынка. Со мной в комнате, между прочим, жил Юра Кнорозов. Он всё отдавал науке: получал стипендию и немедленно

покупал книги, а потом у всех одалживал на еду; жил на воде и хлебе. Занимался расшифровкой письменности майя – это ему удалось, и он стал всемирно известным ученым.

В.Т.: Это был удивительный по своим познаниям и упорству ученый. Аскетизм и равнодушие к миру вненаучного остались с ним на всю жизнь. Но Вы вообще не подрабатывали? Только на стипендию жили или подрабатывали немножко?

С.В.: Одно время подрабатывал. Я вернулся в пожарно-сторожевую охрану и еще ночью дежурил.

В.Т.: А Ваша мама как жила в эти годы?

С.В.: Бывают удивительные события в жизни. Как-то раз поздней осенью 1945 г. матери негде было ночевать, и она в сильный дождь сидела на бульваре, чем-то прикрывшись. Подходит к ней девочка лет десяти и говорит: "Тетя, почему вы на дожде сидите?" – "Потому что мне негде ночевать, я бездомная". Девочка закричала: "Мама, мама, иди сюда". Подходит ее мать. Это была жена заместителя начальника ГУЛАГа полковника Луферова. Мать рассказала ей о своем трагическом положении, и эта женщина привела ее в свой дом, рассказала мужу о беде моей матери. Они ее прописали у себя как домработницу и относились к ней очень хорошо. От Луферова мать впервые узнала, что мой отец расстрелян еще в 1938 г.

Когда в 1946 г. мне исполнилось 20 лет, мать приехала ко мне в общежитие и привезла в подарок три рубля. Больше у нее ничего не было. А в 1948 г. мама вышла замуж за Александра Николаевича Коробова, который с 1917 по 1924 г. был личным секретарем Ленина по связям, и переехала к нему.

В.Т.: Но у вас были теплые отношения. Она же переживала страшно. Вы были ее единственный ребенок?

С.В.: Один. Она за отца жутко переживала, считала, что она виновата в его смерти из-за того, что послала письмо Сталину. Многие ведь ей не советовали делать это. Тот же Демьян Бедный говорил: "Ни в коем случае. Не дойдет до Сталина. Кто-нибудь перехватит".

Я начал учиться на кафедре Востока и в 1947 г., будучи на третьем курсе, написал по персидским источникам курсовую работу "Религиозно-философское учение средневековой секты исмаилитов". Эта работа получила университетскую премию, которую вручал академик Николай Николаевич Семенов. Вскоре после этого меня пригласил Сергей Павлович Толстов, заведующий кафедрой этнографии Московского университета и директор Института этнографии, и говорит: "Ваша работа меня очень заинтересовала. Но я Вам очень советую перейти на кафедру этнографии. Именно здесь, занимаясь полевой этнографией, особенно сочетая ее с археологией, можно сделать подлинные открытия. Мы Вас пошлем в экспедицию с Б.О. Долгих к кетам Подкаменной Тунгуски, туда, где Тунгусский метеорит упал". Так я в конце третьего курса перешел на кафедру этнографии. С того далекого времени я связал свою жизнь с Институтом этнографии, с этнографической наукой, которой посвятил жизнь.

В.Т.: Я полагаю, что нашей науке повезло, а востоковедению – нет, хотя две наши дисциплины и сами ученые очень тесно связаны. Многие этнографы идентифицируют себя как востоковеды и наоборот.

С.В.: Летом 1948 г. я отправился в экспедицию к кетам. На пароходе, когда мы плыли из Красноярска по Енисею до устья Подкаменной Тунгуски, в салоне слушали радио. Там передавали материалы сессии ВАСХНИЛ, Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук, на которой громили "лженауку" генетику и восхваляли главаря этой борьбы Т.Д. Лысенко. Мы слышали, как он сказал: "Товарищ Сталин меня поддерживает". И я имел неосторожность в присутствии своих товарищей сказать, что нельзя уничтожать науку, за которой будущее. Обозвал Лысенко как-то нехорошо. Работая в пожарно-сторожевой охране, я должен был совершать обходы по зданию университета, в том числе проверять биологический факультет. Моей задачей было запрещать биоло-

С.И. Вайнштейн беседует с кеткой в пос. Суломай, 1948 г.

гам проводить опыты ночью. Среди тех, с кем я встречался, были братья Завадовские, а также А.А. Парамонов, которые вели ночами опыты над мухами-дрозофилами. Они мне показывали этих мух, знакомили со своими опытами и просили позволить им остаться ночью работать. И я нарушал свои обязанности, разрешая им это.

В.Т.: Как добирались к кетам и чем питались? Р.Ф. Итс мне рассказывал, что даже спустя два десятилетия это был довольно трудный путь.

С.В.: От устья реки Подкаменной Тунгуски до места расселения кетов мы – Борис Осипович Долгих, я и еще двое других студентов – почти двое суток тащили нашу лодку против течения, как бурлаки. Ночевали в тайге, перевернув лодку.

В.Т.: А чем питались, ловили рыбу?

С.В.: Борис Осипович был очень опытный человек. И мы везли с собой продукты: крупу, сухари и консервы. Наконец, мы добрались до маленького поселка, где жили кеты. Он назывался *Черный остров*, или *Суломай*. Сейчас эту группу кетов называют *суломайские кеты*. Когда мы начали знакомиться с их бытом, то были поражены архаичностью их материальной культуры и социальной организации. В отличие от других групп кетов и вообще народов Севера, у них никогда не было оленеводства. Единственным домашним животным оставалась собака, которую во время промысла охотник впрягал в ручную нарту. Ходили на промысел не только с ружьем, но и с луком и стрелами. Спичек у них не было, огонь добывали трением. Ловили рыбу острой с кормы лодки, но сети у них тоже были. Зимой жили в полуземлянках неолитического облика, летом – в берестяных чумах. У кетов сохранялись экзогамные роды и фратрии. Кстати, когда я рассказал С.И. Вавилову, что собираюсь в этнографическую экспедицию на Север, он подарил мне фотоаппарат, позволивший сделать много хороших снимков.

Нас удивило, что кеты выглядели очень плохо, отличались редкой худобой. Оказалось, что их положение было очень тяжелое. Им запретили охотиться на соболя – основной источник их существования – ради его воспроизводства. Большую часть выловленной рыбы кетам следовало сдавать в счет госпоставок, только после этого разрешалось брать себе. Видно было, что они голодают. В поселке имелись всего несколько небольших срубных домов, русская школа, медпункт и фактория.

Пробыв с нами две недели, Б.О. Долгих отправился на Таймыр, чтобы продолжить там изучение нгансанов. Он оставил меня руководителем группы.

В.Т.: Сколько ему было тогда лет?

С.В.: Сорок четыре года. Он был добрый, энергичный и очень сильный, морально и физически. В общем, мы проработали до осени. Собрали большой и ценный этнографический материал, изучали кетское шаманство, сохранявшее поразительные пережитки палеолитических культов. Кстати, я получил в подарок кетскую шаманскую налобную повязку с изображениями из бронзы гагар. Поразительно, но на палеолитической стоянке Мальта около Иркутска были обнаружены точно такие же гагары, но вырезанные из кости мамонта.

Г.Ф. Дебеч, провозая нас в Москве на вокзале, просил привезти кетские черепа для изучения этногенеза этого загадочного народа. Мы раскопали несколько заброшенных кетских могил. Ночью копали, чтобы на селе нас не увидели. А там ведь мерзлота. И мы извлекли головы вместо черепов. Шесть голов.

В.Т.: Как кеты копали могилы в мерзлоте, когда хоронили?

С.В.: Вероятно, долбили чем-то. Железо-то у них было. Мы не знали, что делать с головами. Долго размышляли. А я до этого ходил, обследовал землянки вместе с Борисом Осиповичем и видел на противоположном берегу реки огромные муравейники. Я решил туда положить головы, может, муравьи объедят. Но они их не ели. Пришлось обжечь головы на костре и в таком виде привезти в Москву.

В.Т.: Они где-то у нас и хранятся, эти черепа. Надо их найти обязательно.

С.В.: Конечно. Вот такая история с этими черепами. Провозая нас, Г.Ф. Дебеч еще попросил: "Попробуйте отыскать там свидетелей падения Тунгусского метеорита в 1908 г., потому что никаких источников нет, а вы будете недалеко от этого места. Может, живы еще люди".

В.Т.: Какое расстояние от этого места?

С.В.: Взрыв произошел в менее 100 км от того места, где мы были. Я записал свидетельства очевидцев, которые не укладывались в тогдашнее представление о столкновении метеорита с землей. Старики-кеты уверяли меня, что за три дня до взрыва на небе появилось второе солнце, очень яркое, и три ночи было светло как днем. Собаки выли непрерывно, шаманы камлали, предвещая страшное опустошение. И на четвертую ночь произошел жуткий взрыв. Во время взрыва земля содрогалась, ветер валил деревья в тайге, чумы и людей разбросало. Но никто не погиб. Теперь этим свидетельствам есть научное объяснение. Выдвинута гипотеза, что Тунгусский метеорит был на самом деле колоссальным выбросом газа, который загорелся при попадании в него какого-то маленького космического тела. И этот огненный шар горел и летал в атмосфере, а потом столкнулся с землей. Причем удар был такой силы, что его несколько раз зафиксировали в разных регионах мира.

В.Т.: А на каком языке вы разговаривали с местными?

С.В.: Мы разговаривали на русском языке. Несколько молодых людей знали русский язык и нам переводили. Были среди кетов и те, кто не знал русского языка. Теперь, как свидетельствуют современные ученые, суломайские кеты не сохранили свою традиционную культуру и смешались с окружающим населением.

Когда я вернулся в Москву, то сделал доклад на кафедре этнографии, в котором, в частности, сказал, что кеты вымирают из-за отношения к ним властей, привел цифры сокращения численности кетов. И одновременно написал письмо Г.М. Маленкову. Тогда он был вторым секретарем ЦК ВКП(б), вторым после Сталина.

В.Т.: А что именно Вы написали?

С.В.: Я написал все, как было, все, что я увидел в экспедиции: что кетам запрещают охотиться на соболя, что всю выловленную рыбу они сдают в счет госпоставок, что народ вымирает.

Через несколько дней прихожу в университет и вижу, что везде пишут объявления: "Состоится комсомольское собрание. Слушается персональное дело студента Вайнштейна". Меня обвинили в клевете на национальную политику партии и правительства,

в поддержке буржуазной "лженауки" генетики. Тогда шла жуткая борьба с генетикой. В результате меня исключили из комсомола и предложили ректорату исключить меня и из университета.

В.Т.: А кто был тогда секретарем комсомольской организации, не помните? Кто вел собрание?

С.В.: Если я не ошибаюсь, секретарем был Е.Ф. Язьков. В комсомольских лидерах был и Владимир Попов, позднее замминистра культуры. После собрания Лев Павлович Лашук, мой друг по курсу, гулял со мной по Москве до часа ночи. Мы обсуждали, как быть дальше, он меня утешал.

Я перестал ходить на занятия и даже ждал, что меня посадят в тюрьму. Вдруг очень рано утром, часов в пять или в половине шестого, раздался звонок в дверь. А я уже жил у матери. Думаю: "Все, за мной пришли". Открыл, стоит замдекана, спрашивает: "Почему Вы не ходите на занятия?" Я говорю: "Меня же решили исключить из университета". Он возразил: "Но мы же еще не исключили. Если Вы не будете ходить, может так случиться, что Вас исключат. Пока деканат не хочет принимать такого решения. Обязательно ходите на занятия. Вы – честный и порядочный человек, я переживаю за Вас всей душой. Только одна просьба: никто не должен знать, что я к Вам приходил".

В.Т.: Вообще эта удивительная сторона человеческой солидарности во многих сферах как-то ушла из жизни из-за господствующего мифа о всеобщих подозрительности и доносительстве, якобы присутствовавших среди советских людей. "Если сам утром не донес, вечером – донесут на тебя", – такого рода грустные сентенции были очень распространены, и сегодня могут восприниматься некоторыми буквально.

С.В.: Я стал ходить на занятия, участвовать в семинарах, и вдруг опять звонок – вечером. Открываю дверь – стоит мужчина, представляется: "Я курьер из ЦК ВКП(б). Вот Вам приглашение посетить ЦК". Я расписываюсь, он уходит. Приглашение: "Заведующий отделом сельского хозяйства ЦК ВКП(б) приглашает Вас на собеседование". Когда я вошел в кабинет к заведующему, Чернову, он встал из-за стола, пожал мне руку и говорит: "Недавно вернулась комиссия, которую Маленков направил к кетам Подкаменной Тунгуски. Все факты, о которых Вы сообщали, подтвердились. Бюро ЦК ВКП(б) приняло решение о мерах помощи кетам и народам Севера вообще". А я ему говорю: "Меня за информацию о кетах как за клевету исключили из комсомола и хотели исключить из университета". Он записал, говорит: "Сегодня этот вопрос решим, я позвоню секретарю парткома университета. И еще позвоню в дирекцию Института этнографии с просьбой, чтобы Вам дали возможность еще раз поехать к кетам".

Летом 1949 г. я поехал во второй раз к суломайским кетам, уже с командировкой от Института этнографии. У меня даже сохранилось командировочное удостоверение, которое подписал вице-президент Академии наук П.Н. Федосеев. Приехав, я убедился, что кеты совсем по-другому зажили, им очень помогли.

В.Т.: То есть в 1949 г., когда Вы приехали, было уже лучше?

С.В.: Им помогли уже в 1948 г. Тогда быстро все исполняли, не то что сейчас. В этой экспедиции мне удалось собрать новые материалы по традиционной этнографии кетов и их современному положению. Я недавно завершил работу над монографией "Кеты Подкаменной Тунгуски. Историко-этнографическое исследование по материалам экспедиций 1948–1949 гг.", которая содержит множество рисунков, фотографий, карт. Сейчас она находится в печати в издательстве "Наука".

В.Т.: А когда вышла Ваша первая публикация, первая статья? Сколько тогда Вам было лет?

С.В.: По возвращении из второй поездки к кетам я подготовил статью "Культура и быт кетского колхоза им. Сталина", акцентируя внимание на достижениях последних лет. Она была опубликована в институтском сборнике "Краткие сообщения Института этнографии" в 1950 г. (выпуск 11-й). Эту статью напечатали по личному распоряжению С.П. Толстова, хотя студенческие работы не принято было печатать. Мне тогда испол-

нилось 24 года. На пятом курсе я написал статью "К вопросу об этногенезе кетов". Ее тоже опубликовали в "Кратких сообщениях" (1951 год, выпуск 13-й). Причем, когда я пришел к Толстому, он сказал: "Мы открываем ею наш сборник. Ваша статья на первом месте".

Когда я окончил в 1950 г. МГУ, меня рекомендовали в аспирантуру. Но еще в 1949 г. Максим Григорьевич Левин, заместитель директора нашего института, начал вести на кафедре очень интересный семинар "Происхождение упряжного собаководства". Для участия в семинаре записались всего четыре человека, включая меня. Максим Григорьевич говорил о том, что изучать какое-либо явление нужно в процессе генезиса: как оно появилось, как распространилось. И во время одного из разговоров после семинара я спросил у Левина, как он мне советует дальше планировать свою жизнь. Он, подумав, сказал: "Вам можно на многое рассчитывать в науке. Приходите, мы это все обсудим". Я прихожу к Максиму Григорьевичу, звоню, выходит его сын, школьник, и говорит: "Папа занят". Я спрашиваю: "Что такое?".

– Да я в угол его поставил.

– А из-за чего? В чем провинился папа?

– Он не хочет, чтобы я был гуманитарием. Хочет, чтобы я занимался естественными науками. Пришлось поставить в угол. Я его не выпускаю пока.

– Ну, ради моего прихода...

– Я подумаю.

Короче говоря, выпустил. Г.М. Бонгард-Левин до сих пор помнит этот эпизод.

И мы беседовали с Максимом Григорьевичем. Я ему говорю: "Знаете, кетская топонимика тянется до Тувы. То есть кеты каким-то образом связаны с Тувой. Я хочу вместо аспирантуры поехать туда".

– Правильно. Вы сделаете то, что пока никто не сделал. Изучите тувинцев со всех возможных сторон: и этнографически, и исторически по письменным источникам, и археологически. Создайте уникальный цикл работ, который позволит показать возможности науки на стыке этнографии, археологии и антропологии. Я в 1926 г. был в Туве, как аспирант В.В. Бунака. К сожалению, наши материалы не напечатали (*Вайнштейн* 1982). И увидел, какая это интересная страна. Мало изученная, полная загадок. В самом центре Азии. Пишите, работайте, перед Вами целый мир. Благословляю Вас.

В.Т.: Но тогда еще, в 1926 г., Тува не была в составе СССР.

С.В.: Нет. Была суверенная Тувинская народная республика, созданная благодаря Советскому Союзу.

В.Т.: Вы уже имели представление о классической этнографии? О Франце Боасе, о Брониславе Малиновском знали уже тогда?

С.В.: Конечно. С.А. Токарев и Б.О. Долгих вложили в меня очень много.

Итак, в 1950 г. я окончил МГУ. Подал заявление в распределительную комиссию: "Прошу направить меня в Туву". И получил туда направление. Б.О. Долгих одобрил мое решение: "Вы свою программу выполните за несколько лет, потом я помогу Вам вернуться". Мать не пускала меня. И Луферов говорил мне: "Твоя мама права. Зачем ехать в добровольную ссылку? Я понимаю, когда посылают под конвоем". Тем не менее я поехал.

Прилетел в Кызыл самолетом. Получил должность исполняющего обязанности директора Национального музея и первый год по существу занимался изучением тувинских материалов. А в 1951 г. я решил поехать к самой неизученной, самой труднодоступной группе тувинцев – к оленеводам, живущим в горах Восточного Саяна, в северо-восточной части Тувы. Там тайга, горы, непроходимые леса. Известный географ академик С.В. Обручев, именем которого назван большой хребет в Туве, позднее писал: "К моему огорчению, оказалось, что в горах восточной Тувы нельзя ехать на лошадях куда хочется: верховых троп, доступных для лошадей, очень мало, и идут они по высоким плоскогорьям и хребтам, а не по долинам. Пройти вдоль реки Бий-Хем, как я проектировал,

совершенно невозможно: густые леса, болота, утесы, верховой тропы вдоль реки нет, и никто из тувинцев летом не отваживался ехать верхом или даже идти пешком вдоль Бий-Хема" (*Обручев* 1965: 35–36). Но я решил рискнуть.

Приехал в Тоджу вместе с молодым тувинцем, мечтавшим стать этнографом, Бальчибой Найден-оолом. Подобрал себе проводника из стариков, бывших шаманистов – Ака Кочага. Очень достойный был человек, не хуже Дерсу Узала. И он со мной поехал к этим горным оленеводам, сказал: "Как-нибудь доберемся". Нам дали винтовки в милиции.

В тот период шла не совсем продуманная коллективизация, и у местного населения были трудности с питанием. Мы свои запасы вынуждены были разделить между детьми, которые к нам бегали, просили что-нибудь поесть. Ак Кочага говорил: "Ничего страшного, когда мы будем в тайге, найдем мясо живьем".

Через несколько дней трудного пути по тайге мы подошли к одному из таежных озер, затянутому уже льдом. Бальчиба попросил: "Подержи мою лошадь. Я вижу, там утки сидят. Сейчас будет у нас хороший обед". Я взял лошадь под узду и стою. Но меня удивило, что обычно лошади, останавливаясь, щиплют траву, а тут вдруг они стали напряженно к чему-то прислушиваться. Раздался выстрел и дикий крик Бальчиба: "Спаси, Севьян!" Я привязал лошадей, взял винтовку, пошел. Подхожу – нет моего друга. Нигде. Кричу: "Бальчиба! Бальчиба!". Нет ответа. Вдруг вижу: он стоит по горло в ледяной воде, винтовка в воде, весь белый. Я зашел в воду, вытащил его, он шепчет: "Медведь на меня бросился". Мокрый весь. Подъехал проводник, который далеко был, и сказал: "Только что пробежал огромный бурый медведь. Вот следы его мокрые. Скорее всего он испугался и убежал". Когда мы поехали обсушиться, вижу, как проводник снимает винтовку и куда-то целится. Я тоже стал целиться. Медведь стоял на краю холма, видимо, тот самый. Мы оба выстрелили, оба не попали. Меня поразило, как быстро бегают медведи. Он бежал как скаковая лошадь, галопом, в гору. И исчез. Потом мы обсушили Бальчиба, он выпил немножко неприкосновенный запас спирта, уверил меня, что все будет хорошо. Но потом начал кашлять, у него поднялась температура, он принимал лекарство, но ничего не помогало. Мы вернулись опять через тайгу в районный центр, где была больница. Там Бальчиба посмотрели, сказали: "Немедленно в Кызыл. У него двустороннее воспаление легких". Я в тот же день вызвал санитарный самолет. Мы прилетели в Кызыл, но выяснилось, что у Бальчиба не двустороннее воспаление легких, а вспышка скрытой формы туберкулеза. В общем, через некоторое время он умер. Незадолго до смерти Бальчиба спросил меня: "Севьян, ты хоть напишешь обо мне что-нибудь?" Я говорю: "Клянусь, даю слово". В книге "Загадочная Тува" я о нем пишу подробно.

Во время этой экспедиции мне удалось собрать ценнейший этнографический материал. В последующие годы я периодически возвращался в Тоджу, чтобы продолжить исследования среди других групп тоджинцев. Там же удалось открыть и раскопать первую неолитическую стоянку, несколько древнетюркских курганов, собрать для музея ценные экспонаты. Киногруппа под руководством Леонида Круглова спустя полвека сняла об этом трудном пути документальный кинофильм "Сшитые стрелы" (1998).

Еще осенью 1951 г., обнаружив в фондах музея необычайно талантливо выполненные шахматные фигурки из камня, я решил познакомиться с их автором, жившим в далеком Бай-Тайгинском районе на западе Тувы. В поселке Коп-Сёк я разыскал мало кому известного тогда мастера-камнереза Хертека Тойбу-Хаа. Предложил поехать со мной в Кызыл, поселил у себя в комнате, предоставил условия для занятия резьбой. Ознакомил с его замечательными работами тувинскую общественность. Позднее он и другие резчики по камню получили широкую известность не только в Туве, но и далеко за ее пределами.

Потом я начал вести раскопки, исследования в других степных районах. Летом вел раскопки, а с осени до весны жил среди тувинцев.

С.И. Вайнштейн в экспедиции в степях Центральной Тувы. 1959 г.

В.Т.: А с кем Вы вели раскопки?

С.В.: Я руководил раскопками. У меня помощником был тувинец, сотрудник музея, Монгуш Маннай-оол. И мы нанимали пять-шесть человек рабочих.

В.Т.: А Пор-Бажын?

С.В.: В 1952 г. я наткнулся на упоминание о нем в "Чертежной книге Сибири" С.У. Ремезова, написанной в конце XVII в. Автор писал, что в истоках Енисея находится каменный город, чей не известно. Я решил поехать туда в 1952 г.

Огромное озеро Тере-Холь, кругом горы. Маленький поселок Кунгуртуг в десяти километрах. Меня на самолете посадили на полянке возле этого озера. Ни лодок, ничего. Сколотили плот. Мы с Монгушем и еще одним человеком поплыли на плоту к острову, где крепость была. Сделал я топографический план и наметил ее раскопать. Но раскопки удалось начать только в 1957 г.

А в 1953 г. я руководил раскопками могильника в Центральной Туве – в долине реки Уюк, где были впервые открыты и изучены здешние памятники эпохи бронзы. Тогда же раскопал несколько средневековых курганов в высокогорной долине Хендерге.

В 1954 г. я стал сотрудником Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ныне – Тувинский гуманитарный институт) по приглашению его директора Алексея Николаевича Сердобова. В том же году я провел раскопки обширного могильника в урочище Казылган в горах Западной Тувы на высоте около 2000 м, в зоне вечной мерзлоты. Все курганы относились к скифскому времени. Это позволило мне выделить характерную для Тувы того времени казылганскую культуру и обогатить наши сведения о той далекой эпохе обширным археологическим материалом (*Вайнштейн* 1955). В.П. Алексеев дал описание найденных там черепов и провел их диагностику (*Алексеев* 1955). Этнографические исследования и археологические раскопки я продолжал и в 1955 г. Нами была открыта первая палеолитическая стоянка среди дюн в районе реки Хемчик, имеющая важное значение для понимания древнейшей истории Тувы (*Вайнштейн* 1956а).

В.Т.: А как сохранялась связь с московским институтом, если Вы перестали быть его сотрудником? Или Вы продолжали ощущать себя как бы в длительной научной коман-

дивовке? Сейчас такая двойная лояльность стала редкостью, хотя аспиранты и докторанты сохраняют связь с институтом.

С.В.: В 1956 г. я защитил кандидатскую диссертацию в нашем институте (*Он же* 1956б), позднее опубликовал монографию о тувинцах-тоджинцах, включившую результаты многолетних исследований (*Он же* 1961). Институт этнографии находился сначала на Волхонке, там, где ныне Институт философии. Наш институт помещался в одном зале. Несколько дверей вели в кабинет директора, к заведующей аспирантурой. И все сотрудники сидели за длинным столом, в центре. Так и работали. Потом нас перевели в другое здание, туда, где ныне Институт права, на улице Фрунзе. Мы получили целый этаж, большой зал, в котором могли работать. И там я защитил кандидатскую диссертацию. Защита прошла очень хорошо.

Потом я вернулся в Туву. У меня была жена, и маленькая девочка родилась. С женой, Алевтиной Никифоровной Петровой, мы прожили вместе уже 52 года.

В 1957 г. наша экспедиция вела раскопки в Улуг-Хемском, Чаа-Хольском и Каа-Хемском районах. При раскопках Ак-Туругского могильника в бассейне реки Чаа-Холь были обнаружены уникальные захоронения разных эпох – от скифского до древнетюркского времени. Большая группа гунно-сарматских курганов была изучена нами в могильнике у горы Сыын-Чюрек. Там же на скальных выступях пирамидоподобной горы Сыын-Чюрек нами была открыта уникальная галерея наскальных рисунков с изображениями сцен охоты, похищения невесты, изображениями животных и культовых фигур. Она охватывала период истории Тувы свыше тысячи лет вплоть до древнетюркского времени (*Он же* 1958).

В 1957 г. я решил начать раскопки крепости Пор-Бажын. Начал раскопки, вдруг приходит телеграмма от директора института А.Н. Сердобова: "У Вас очень серьезные неприятности, немедленно возвращайтесь". Я все свернул. А дело в том, что я перешел дорогу одному человеку. В центральной и западной Туве есть целая цепь городищ. И рядом с ними проходит так называемая "дорога Чингисхана". Такое плотное полотно. До сих пор используется машинами. И эти городища ранее обследовала экспедиция С.В. Киселева и Л.А. Евтюховой. С.В. Киселев был довольно крупный археолог, одно время директор Института археологии. В составе экспедиции был также археолог Л.Р. Кызласов, к сожалению, недавно умерший. И они написали, что эти городища не имеют культурного слоя, никто на них не жил, воздвигнуты были они, скорее всего, маньчжурами в XVIII–XIX вв. и не представляют археологического интереса. Но я все-таки поехал туда.

Вечером, когда солнце садилось, я увидел холмики. Раскопал, а там огромный культурный слой. Древних уйгуров, как стало ясно. Потом начал копать эту дорогу, на ней сторожевые башни обнаружил, вал и за ним ров огромный, направленный против тех территорий, где жили енисейские кыргызы. За Саянами такое население было, в Минусинской котловине. Я это опубликовал, слава Богу, в газете, в "Тувинской правде". И это вызвало какое-то странное желание у Л.Р. Кызласова назвать эти находки своим открытием. Летом 1957 г., приехав в Туву, он побывал в тех местах, где я был, вел раскопки. Потом послал в Отдел полевых исследований АН СССР, который выдает "открытые листы" на археологические исследования, заявление, что я веду их неправильно, грабительски, что меня нужно немедленно лишить права на ведение раскопок. К сожалению, Л.Р. Кызласов нашел людей, которые написали в КГБ заявление, что в экспедициях я регулярно веду антисоветскую пропаганду. И еще одно заявление в Управление финансов, что я присваиваю средства, выделенные на ведение раскопок. А.Н. Сердобов, узнав об этом, вызвал меня и спросил: "Это правда?" Я ответил: "Нет. Что за чушь?" Он предложил: "Надо создавать комиссию".

Из Москвы приехала археологическая комиссия, в которую входил Александр Грач, Наталья Членова и другие крупные археологи. Были созданы комиссии обкома, КГБ, управления финансов. После проверок они пришли к выводу, что все эти заявления но-

сят клеветнический характер. Отдел полевых исследований продолжал выдавать мне "открытые листы".

Но нет худа без добра. Когда об этой истории узнал С.П. Толстов, он сказал Л.П. Потапову: "Пригласи его работать в Москву. Нечего ему там делать. Мы создаем Тувинскую археолого-этнографическую экспедицию. Пусть Севьян возглавляет отряд". А экспедицию возглавлял Леонид Павлович Потапов.

Работая в Институте этнографии с 1959 г., я продолжал свои полевые исследования. В целом до 1983 г. мне удалось провести исследования во всех районах Тувы, даже самых труднодоступных. Я подолгу жил в юртах и чумах тувинцев, исследовал их кочевое хозяйство, материальную и духовную культуру, лично участвовал в совершении многих обрядов, ритуальных действиях, встречался с шаманами, присутствовал на их камланиях.

В.Т.: Сейчас огромный интерес к Пор-Бажыну. Президент В.В. Путин летом 2007 г. посетил раскопки вместе с какой-то европейской королевской особой. Шойгу лично курирует проект. Создан специальный фонд. А все началось с Вашего плотика, который мог и не доплыть до острова – погода похуже и ветер посильнее.

С.В.: В 1963 г. я решил продолжить раскопки крепости Пор-Бажын на озере Тере-Холь. Под моим руководством были раскопаны два огромных холма в центре крепости. Там оказался дворец, парадные лестницы, десятки колонн поддерживали кровлю из черепицы. Опираясь на древнетюркские тексты, я пришел к выводу, что дворец был построен могущественным уйгурским ханом Моюн-Чуром в 750 г. Вдоль высоких стен крепости были расположены десятки небольших помещений. Два из них я раскопал, в одном нашел клад. Спасаясь от пожара, кто-то закопал под полом 58 железных заготовок, из которых ковали оружие. Мы пришли к выводу, что в крепости произошел пожар вскоре после ее возведения (*Вайнитейн* 1964).

В Тере-Холе я записал легенду о том, что хан, который построил эту крепость, имел ослиные уши. Он все время ходил с закрытым тюрбаном. И чтобы никто не знал, он всех девушек, которых ему привозили, после близости убивал. А одна из девушек имела умную мать. Та мать замешала на своем грудном молоке лепешки и сказала: «Когда тебя привезут к нему, ты начни их есть и причмокивай. Он у тебя попросит одну наверняка. Дашь ему и скажешь: "Это на грудном молоке моей матери"». А по традиции, если одно и то же молоко ел мужчина, он уже ничего не может себе позволить. И он отправил ее обратно, взяв с нее клятву, что она ни одному человеку не скажет об его ослиных ушах. И она, раздираемая желанием кому-то рассказать, увидела норку, где сидел суслик. И поведала ему об этом. Суслик моментально рассказал рыбам. Однажды хан заглянул в колодец и сказал про свое отражение: "Какой я красивый!". Тут выскочил налим и крикнул: "Ха-ха-ха, у тебя ослиные уши". Разгневанный хан велел заспать колодец, но из него хлынула вода и стала затоплять всю крепость. Хан бежал. Когда он поднялся на гору, то увидел, что озеро уже образовалось. Хан сказал: "Тере-холь" ("Там озеро"). На этом озере, которое получило название Тере-Холь, и стоит крепость.

Самое удивительное, что в VIII в. до н.э. в Греции был правитель Мидас. И о нем известна легенда, в которой утверждалось, что у Мидаса ослиные уши. А он их скрывал под колпаком. Однажды это заметил парикмахер, который подстригал правителя, и прошептал об этом в траву, в кустарник. И шум пошел, пошел, пошел, и все узнали. Странно, как легенда VIII в. проникла в Туву. Мидаса в исторических источниках так и называли – царь с ослиными ушами. По-видимому, воины Александра Македонского, завоевывая Среднюю Азию, принесли эту легенду, которая в несколько измененном виде сохранилась в Туве и поныне.

В 1957 г. была опубликована моя работа об этногенезе тувинцев, основанная на многолетних исследованиях этой проблемы. В ней были раскрыты процессы формирования тувинского этноса в течение нескольких веков, его самоназвания и самосознания. Сделан вывод о завершении генезиса этого этноса лишь в XIX в. (*Он же* 1957). В даль-

С.И. Вайнштейн (слева) с Туром Хейердалом. Москва, 1964 г.

нейшем Тур Хейердал проявил большой интерес к моим трудам по этнографии тувинцев и даже посетил меня дома.

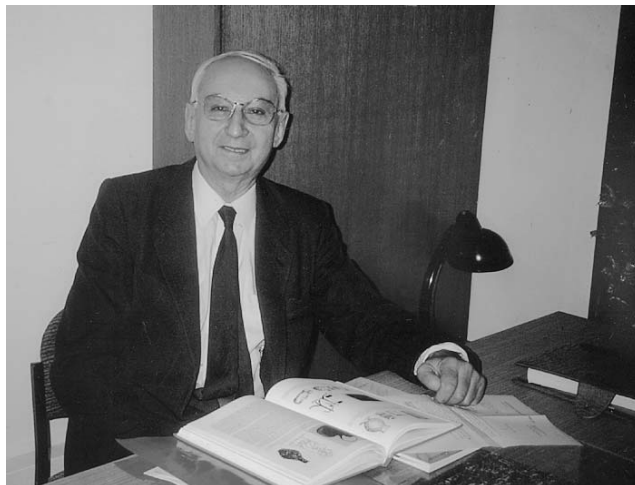
В ходе археологических исследований 1958 г. нами был раскопан древнетюркский могильник в урочище Хербис-Баары и здесь же обнаружена стела с высеченной на ней большой и интересной древнетюркской надписью, включавшей древнейшее упоминание этнонима татар (*Он же* 1963). Опубликована первая периодизация археологических культур Тувы (*Он же* 1958).

В 1969 г. я защитил докторскую диссертацию "Происхождение и историческая этнография тувинского народа" (*Он же* 1969). В 1971 г. в издательстве "Наука" вышла из печати моя книга "Историческая этнография тувинцев: Проблемы кочевого хозяйства", подготовленная в связи с общими проблемами кочевничества в Южной Сибири. Она была переведена на английский язык и издана в Кембридже (*Veinstein* 1980). Эта монография получила высокие отзывы не только этнографов, но и видных представителей других наук (*Leighton* 1991).

В 1960–1970-е годы я совершил ряд экспедиционных поездок к тофаларам, на Алтай, в Монголию (*Вайнштейн* 1968, 1980, 1984) для сбора сравнительного этнографического материала.

Занимаясь проблемами генезиса кочевничества в Евразии и происхождением оленеводства, мне, в частности, удалось обосновать гипотезу моноцентрического происхождения оленеводства в Северной Евразии из Саянского очага (*Он же* 1970; 1971), принятую последующими исследователями этой проблемы. Результатом моих исследований народного искусства тувинцев, нескольких сотен его артефактов и вопросов его генезиса стала монография "История народного искусства Тувы", опубликованная в Москве в 1974 г. (*Он же* 1974).

Моя монография о культуре тувинцев и ее генезисе в связи с общими проблемами генезиса культур кочевников Евразии "Мир кочевников центра Азии" была опубликована в 1991 г. (*Он же* 1991), а вскоре переведена на немецкий язык и издана в Германии (*Weinstein* 1996). Хотелось бы отметить, что эта книга, которая была утверждена к печати и принята издательством "Наука" для публикации в 1989 г., была возвращена мне в

С.И. Вайнштейн в рабочем кабинете

1990 г. с мотивировкой, что издательство не располагает средствами для ее издания. Но уже в 1991 г. в связи с обострением межэтнических отношений в Туве было проведено заседание правительства РФ, на которое я был приглашен сделать доклад о положении в Туве. После доклада и принятых по моему предложению решений, направленных на преодоление сложившейся ситуации, И.С. Силаев, руководитель правительства, спросил, каковы мои научные планы, связанные с Тувой. Я рассказал, что мне вернули книгу по истории и этнографии Тувы, которую я много лет готовил, из-за отсутствия средств в издательстве. Должен с благодарностью отметить, что правительство приняло решение обратиться к руководству Академии наук с просьбой об издании моей книги в намеченные ранее сроки, и это решение обеспечило выход книги.

В.Т.: И каков общий "послужной список", на мой личный взгляд, геройской карьеры ученого и сколько получено наград и каких? Особенно меня интересуют государственные награды. Мне недавно один работник Администрации президента РФ сказал: "Валерий Александрович, те, кто работает, награды не получают".

С.Т.: Всего по проблемам истории, этнографии и археологии Тувы и по проблемам истории и культуры кочевников Евразии опубликовано семь моих монографий, включая их зарубежные переводы и около трехсот научных статей¹. Удалось подготовить пятнадцать кандидатов и докторов наук. Не могу не отметить и полученные награды. Среди них указ президента России В.В. Путина о присвоении мне звания заслуженного деятеля науки Российской Федерации. Указом Президиума Верховного Совета Тувинской АССР мне присвоено звание заслуженного деятеля науки Тувы.

Межрегиональная лига малочисленных народов России наградила меня медалью "За заслуги перед малочисленными народами", а Ассамблея народов России – медалью "Дружба народов – единство России" "за большой вклад в сохранение самобытности и единства народов России".

В.Т.: Кажется, у меня тоже есть такие награды, кроме тувинской. Значит, я могу подтягиваться к Вашей степени признания? Или для ученого важно и что-то другое?

С.В.: Мне особенно дорого то, что к юбилею я получил поздравления от научных центров и коллег из Москвы, Санкт-Петербурга, многих регионов Сибири, а также из Японии, Англии, Германии, США. В Кызыле в 2006 г. была проведена Международная научно-практическая конференция "Вопросы изучения истории и культуры народов

Центральной Азии и сопредельных регионов", посвященная моему 80-летию. На конференции было заслушано более 50 докладов отечественных и зарубежных ученых, отразивших мои исследования в Туве и других районах Сибири, а также ряд общих проблем истории, этнографии и археологии этого обширного региона.

В канун праздника Победы я получил личное поздравление президента В.В. Путина. Таковы основные итоги прожитого и пережитого.

В.Т.: А теперь меня интересует история с Фейнманом: на мой взгляд, это какая-то романтическая драма.

С.В.: В Англии вышел дополненный перевод моей книги "Историческая этнография тувинцев" (Veinstein 1980). И через какое-то время, где-то в начале 1980-х годов, я получаю письмо от неизвестного мне человека. Подпись: Ричард Фейнман. Он пишет: "Я познакомился с Вашей книгой. Она мне показалась чрезвычайно интересной, и теперь у меня непреодолимое желание побывать в Туве. Я обратился во все туристические фирмы. Во-первых, никто не организует поездки в Туву, во-вторых, до меня дошло, что вообще туда закрыт въезд для иностранцев. Но я надеюсь, что Ваш авторитет в науке позволит все-таки помочь мне добраться до Тувы. Я этого очень хочу. Знаю, что Тува чрезвычайно интересна. Я очень прошу Вас меня поддержать". Я думаю: кто это? Он не написал о себе ни слова. Письмо на бланке Калифорнийского технологического института. Я подумал-подумал: что я могу написать? Позвонил, узнал. Говорят: "Нет, в Туву въезд для иностранцев пока закрыт". И я решил не писать вообще. Вдруг раздастся телефонный звонок.

– Севьян Израилевич?

– Да.

– С Вами говорит академик Гинзбург. Знаете, у меня было чрезвычайно сложное положение. Я был на приеме у президента Рейгана. Он ученых принимал, в том числе нашу делегацию. И ко мне подошел знаменитый Ричард Фейнман и сказал: "Я послал письмо профессору Вайнштейну в Москву. Узнал его адрес через соответствующие каналы. И он письмо мое не получил". Я говорю: "Не может этого быть" – "Не получил. Если бы получил, дал бы ответ".

В.Л. Гинзбург спрашивает меня: "Вы знаете, кто такой Фейнман?" И начал рассказывать мне, что это великий ученый, крупнейший физик. Он сделал величайшее открытие XX в. после теории относительности Эйнштейна, получил Нобелевскую премию. Все физики во всем мире изучают его книги. Лекции Фейнмана всемирно известны. Это человек, который украшает нашу планету. "Я, – говорит, – обещал ему позвонить Вам и все выяснить".

"Да, – отвечаю, – я получил письмо, но, опасаясь, что не могу дать положительного ответа, вообще не написал ничего". Он говорит: "Зря. А как Вы сейчас на это смотрите, после того как я с Вами побеседовал?"

– Я готов ему не только послать письмо, но и книгу.

– Прекрасно. Завтра в девять утра у Вас будет курьер, которого я пошлю. Он у Вас возьмет письмо, а я послезавтра лечу в Америку. У нас совместный проект по изучению планетарной гравитации, в котором задействованы Фейнман, я, наш институт.

Я подарил Фейнману книгу "Искусство Тувы". Она очень хорошо издана, с цветными иллюстрациями. И отправил письмо, в котором писал, что приложу все силы, чтобы его пригласить. После этого я собрался идти к Е.П. Велихову. И предварительно спросил Гинзбурга: "Вы с Велиховым контакт имеете?"

– Конечно.

– А Вы не можете помочь мне с ним встретиться?

– Пожалуйста. Назначьте, когда Вы хотите. Хоть завтра, хоть послезавтра. Вам позвонят из Президиума.

Мне позвонили, сказали: "Велихов ждет Вас в такое-то время". Я к нему пришел, а он говорит: "Знаете, есть одна маленькая возможность его пригласить. Если он согласится

прочитать курс публичных лекций в Москве, а за это время, может быть, мы что-то сделаем, чтобы он мог поехать в Туву". К сожалению, эта поездка не состоялась.

Фейнман пригласил меня в Америку. Но я все тянул с этой поездкой. Потом все-таки поехал. Пришел на квартиру к Фейнману, и мне его жена поведала очень печальную историю. Что за несколько месяцев до этого ему поставили диагноз рак поджелудочной железы, что это мучительная и сложная болезнь, которая трудно лечится. Там была возможность эвтаназии. Он пригласил нотариуса, врача, психиатра, в общем, целую комиссию. Ему сделали укол, и он добровольно ушел из жизни.

Фейнман оставил кассету с кратким обращением ко мне, что он приносит свои извинения, что мы не увидимся, что он уходит из этого мира. И что среди очень ярких и теплых воспоминаний о прошедшей жизни – переписка со мной. Об этом в Америке опубликована книга "Tuva or Bust!" ("Тува, во что бы то ни стало!") (Leighton 1991).

В.Т.: Вы дружили с Ю.В. Бромлеем?

С.В.: Юлиан пришел в университет после фронта. У нас еще в студенческие годы сложились добрые отношения. Потом эта история с кетами произошла. А он уже в партбюро был. Был очень этим недоволен и не пришел. Говорит: "Я не приду. Я умываю руки. К сожалению, у меня безвыходное положение. Севьян, не сердись. А завтра приходи ко мне, мы отметим это". Я спрашиваю: "Что отметим?"

– Ну, как что? Исключение тебя из комсомола.

После заседания, на котором меня исключили, я был у него дома. Мы выпили, и Юлиан сказал: "Не падай духом. Все пройдет. Все проходит, и это пройдет".

Когда он начал занимать высокие посты в Отделении, стал директором нашего института, он очень поддерживал все научные начинания. Сам работал очень напряженно. Один раз мы у него дома писали совместную статью, которая так и осталась неопубликованной, – "Этнос и культура". Он все говорил: "Севьян, ты все думаешь: так, не так? Бери пример с Виктора Козлова. У него все льется, как у акына. Все взгляды излагает быстро, легко".

В общем, мы дружили. Он бывал у меня много раз дома, потом мы решили жить вместе на даче. Сняли в Троицком совместную дачу. Вместе купались, вместе катались на лодке. Он очень по-дружески ко мне относился. Жаловался немножко, что у него здоровье подкачивает. Я говорил ему: "Меньше работай".

– Ты знаешь, у меня пружинка сидит, которая заставляет все время работать.

Я об этом вспомнил, когда вышло интервью А.И. Солженицына. Восемьдесят восемь лет ему, он сидит, работает. Журналист "Известий" спрашивает: "Как Вы так? Возраст, болеете". Солженицын отвечает: "У меня пружинка, которая заставляет трудиться до сих пор". Примерно то же самое говорил Бромлей.

А потом Юлиан лег в больницу и уже оттуда не вышел. Очень его выбила из колеи статья Л.Н. Гумилева, который писал, что все теоретические построения Ю.В. Бромлея гроша ломаного не стоят, и давал понять, что он сам единственный теоретик этноса. И Бромлей почему-то очень остро на это реагировал. Наталья Яковлевна, его жена, была у него в больнице. Они сидели, беседовали, вдруг он схватился за сердце, сказал: "Наташа, попроси, чтобы врач пришел". Она побежала в ординаторскую, пришел врач. Сделали кардиограмму, сказали: "Дело не очень хорошее". Привезли кресло. Юлиан Владимирович даже не хотел садиться. И повезли. Больше его Наташа не видела. Он умер в реанимации через час от обширного инфаркта.

В.Т.: Спасибо, дорогой Севьян Израилевич, за беседу. В своем предисловии к сборнику статей о Бромлее я назвал Ю.В. Бромлея homo academicus. Вы, безусловно, принадлежите к этому же роду. Признание сего уже состоялось, и живите долго.

Примечание

¹ Список опубликованных работ до 2001 г. см.: Севьян Израилевич Вайнштейн. К 75-летию со дня рождения. М., 2001. С. 10–29.

Литература

- Алексеев* 1955 – *Алексеев В.П.* Черепа из древних погребений на территории Тувы // Ученые зап. Тувинского науч.-иссл. ин-та языка и литературы (далее – УЗ ТНИИЯЛИ). Вып. 3. Кызыл, 1955. С. 103–109.
- Вайнштейн* 1955 – *Вайнштейн С.И.* Памятники скифского времени в Западной Туве // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып.3. Кызыл, 1955. С. 78–102.
- Вайнштейн* 1956а – *Вайнштейн С.И.* Археологические исследования в Туве в 1955 г. // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 4. Кызыл, 1956. С. 33–38, 145–198.
- Вайнштейн* 1956б – *Вайнштейн С.И.* Тувинцы Тоджи. Автореф. дис. ... к.и.н. М.; Л., 1956.
- Вайнштейн* 1957 – *Вайнштейн С.И.* Очерк этногенеза тувинцев // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. 5. Кызыл, 1957. С. 178–214.
- Вайнштейн* 1958 – *Вайнштейн С.И.* Некоторые итоги работ археологической экспедиции ТНИИЯЛИ в 1956–1957 гг. // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. VI. Кызыл, 1958. С. 217–237.
- Вайнштейн* 1961 – *Вайнштейн С.И.* Тувинцы-тоджинцы: Историко-этнографические очерки. М., 1961.
- Вайнштейн* 1963 – *Вайнштейн С.И.* Курганы и стела с древнетюркской надписью в урочище Хербис-Баары // УЗ ТНИИЯЛИ. Вып. X. Кызыл, 1963. С. 264–267.
- Вайнштейн* 1964 – *Вайнштейн С.И.* Древний Пор-Бажин // Сов. этнография (далее – СЭ). 1964. № 6. С. 103–114.
- Вайнштейн* 1968 – *Вайнштейн С.И.* Родовая структура и патронимическая организация тофаларов до нач. XX вв. // Сов. этнография (далее СЭ). 1968. № 3. С. 60–67.
- Вайнштейн* 1969 – *Вайнштейн С.И.* Происхождение и историческая этнография тувинского народа. Автореф. дис. ... д.и.н. М., 1969.
- Вайнштейн* 1970 – *Вайнштейн С.И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии. Саянский очаг одомашнивания оленя // СЭ. 1970. № 6. С. 3–14.
- Вайнштейн* 1971 – *Вайнштейн С.И.* Проблема происхождения оленеводства в Евразии. Роль Саянского очага в распространении оленеводства в Евразии // СЭ. 1971. № 5. С. 32–52.
- Вайнштейн* 1974 – *Вайнштейн С.И.* История народного искусства Тувы. М., 1974.
- Вайнштейн* 1980 – *Вайнштейн С.И.* Этнографические исследования в Горном Алтае и Туве // Полевые исследования Ин-та этнографии. 1978. М., 1980. С. 90–100.
- Вайнштейн* 1982 – *Вайнштейн С.И.* Первая советская антрополого-этнографическая экспедиция в Туву // Очерки истории русской этнографии, антропологии и фольклористики. Вып. IX. М., 1982. С. 162–184.
- Вайнштейн* 1984 – *Вайнштейн С.И.* (в соавторстве с Э. Таубэ). Тувинцы Монгольского Алтая // Полевые исследования Ин-та этнографии 1980–1981. М., 1984. С. 233–241.
- Вайнштейн* 1991 – *Вайнштейн С.И.* Мир кочевников центра Азии. М., 1991.
- Обручев* 1965 – *Обручев С.В.* В сердце Азии. М., 1965.
- Leighton* 1991 – *Leighton R.* Tuva or Bust! N.Y. 1991.
- Weinstein* 1980 – *Weinstein S.* Nomads of South Siberia. London, Cambridge. 1980.
- Weinstein* 1996 – *Weinstein S.* Die Welt der Nomaden in Zentrum Asiens. Berlin. 1996.

Запись и обработка интервью Р.Р. Нагапетовой

V.A. Tishkov. Reflections on the Outcomes of a Career: A Conversation with Sevyan Izrailevich Vainshtein

The interview with S.I. Vainshtein, senior scholar at the Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, continues a series of interviews conducted by V.A. Tishkov, director of the Institute, with senior ethnographers and anthropologists that have made important contributions to scholarship in the discipline in Russia and the Soviet Union.